

Община Св. Великомученицы Екатерины ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ЛИСТОК № 6-2008 (31)

Преподобномученица Мария (Скобцова)

Типы религиозной жизни. (часть II)*

Следующий тип религиозной жизни — уставщический — носит следы совершенно иного происхождения. Он по сравнению с синодальным типом архаичен. Он никогда не умирал, он вплетался в синодальное благочестие, противостоя ему, но не борясь с ним. Синодальное благочестие застало его в Церкви к моменту своего возникновения, потому что вся Московская Русь была пропитана его духом. Старообрядчество выросло в нем и втянуло в себя его силы. Видоизменяясь и усложняясь, он дожил и до наших дней. Он, может быть, — самое страшное и косное, что нам оставила в наследие Московская Русь.

Не подлежит сомнению чрезвычайно слабый творческий и богословский уровень московского благочестия. Москва усвоила очень многое от Византии, но как-то прошла мимо ее творческой напряженности. Москва перековала в неподвижную форму, в культ буквы, в культ традиции, в повторяющийся ритмический жест все буйное и антиномическое кипение византийского гения. Москва не только сумела подморозить византийское наследие, она и библейское наследие засушила, окостенила, вынула из него облагодавленную и живую душу. По слову древнего пророка, она стала громоздить “заповедь на заповедь, правило на правило”.

Пышный разлив византийской риторики она восприняла как некую неподвижную меру вещей, ввела ее в свой обязательный обиход, ритуализировала всякий порыв, облекла в формы закона всякую религиозную лирику. Максимальным выражением этого косного, пышного, неподвижного, охранительного духа было, конечно, старообрядчество. И в этом смысле оно имеет за собой огромные заслуги: оно нам сохранило иконы древнего письма, оно сохранило древнейшие напевы, оно вообще охраняло от потока жизни какой-то раз навсегда зафиксированный момент в развитии благочестия. Но наряду с этим оно так смешало иерархию ценностей христианской жизни, что шло на муку и на смерть не только за двуперстное крестное знамение, но за право писать имя “Иисус” как “Исус”. Тут вопрос не только в простой неграмотности, тут вопрос о чем-то гораздо более серьезном, что в последующий период разрослось со всей очевидностью. Тут речь о вере в особую магию не только слова, имени, но даже каждой буквы, из которой это имя состоит. И как очевидна страшная кара, постигшая такое старообрядческое отношение к Христовой истине.

Войдите в старообрядческую молельню. В ней собрано все, чем они дорожили в течение всей своей истории, — в ней иконы старинного письма, которым нет цены, в ней древние книги, в ней особое уставное пение по крюкам — все, за что они боролись и шли на мученичество, — нет только одного — великолепный иконостас, сплошь уставленный иконами в тяжелых кованых ризах, ничего не сохраняет, ничего не бережет. За ним глухая стена, он к этой стене прислонен, нет алтаря, нет престола и жертвенника, потому что нет алтаря. Все сбережено, кроме живой души Церкви, кроме ее таинственной Богочеловеческой жизни, — осталась одна прекрасная форма. Над этим явлением стоит задуматься. Тут люди получили кару в самой своей победе, в самом достижении своей цели. Раз извратив Христову правду, они остались с мертвой ее оболочкой. Над этим стоит задуматься всякий раз, когда на нашем пути возникает соблазн предать дух форме, любовь — уставу. Нас подкарауливает в этом соблазне та же опасность остаться с формой и с уставом и утратить дух и любовь. И очень вероятно, что символ безалтарной Церкви зачастую осуществляется в человеческих душах.

Утрачивая живой дух христианства, Церковь XVIII и XIX века все же не истребила в себе этого московского духа устава, правила, положенного, дозволенного, блюдомого. Более того, зачастую задыхаясь в официальной, холодной, ведомственно-синодальной Церкви и не находя пути к каким-то живым источникам веры, человеческая душа из синодального понимания благочестия уходила в уставщичество, противопоставляла его официальной казен-

щине. Уставщичество переключается и с церковным эстетизмом, и аскетизмом, но по существу своему это все же нечто иное, просто ударение не там ставится.

Каков нравственный облик уставщика? Каково его духовное содержание? Самая его большая жажда — это жажда абсолютной духовной устроенности, полное подчинение внутренней жизни внешнему, разработанному до мельчайших подробностей ритму. Внешний ритм охватывает собою все. Вне церкви он знает духовный смысл всех подробностей быта, он блюдет посты, он живет день ото дня содержанием церковного круга богослужений. Он за-

жигает лампы, когда это положено, он правильно творит крестное знамение. В церкви он так же не допускает никакого порыва, никакого выхода из раз установленных жестов. В определенный момент богослужения он становится на колени, в определенный момент кланяется, крестится. Он знает твердо, что от Пасхи до Вознесения преступно встать на колени, он знает, сколько раз в году он пойдет к исповеди, и главное — он до тонкости изучил богослужебный устав, он сердится и негодует, если что-нибудь в церковной службе пропущено, потому что это не полагается. И вместе с тем ему почти все равно, если читаемое непонятно, если оно читается скороговоркой. Это не человек, предпочитающий панихиды, молебны и акафисты всем другим службам. Нет, его излюбленные службы — самые редкие, больше всего великопостные. Особенно он отмечает сложность службы, когда какой-нибудь постоянный праздник совпадает с подвижным — Благовещение, например, падает на последние дни Страстной Недели. Форма, конструкция службы зачастую затемняет у него внутреннее содержание отдельных молитв. Он, конечно, фанатический поборник славянского языка.

Русский язык в церкви кажется ему почти кощунством. И славянский язык он любит, потому что он привычен. Он не хочет даже исправления явно неудачных, неграмотных и невразумительных переводов. Многочасовое чтение псаломщика погружает его в известную атмосферу благочестия, создает определенный ритм его духовной жизни — это главное, чего он хочет, содержание его не так уж интересует. Молитвы его продолжительны — он имеет постоянное и неподвижное правило для них. В этом правиле очень часто повторение одних и тех же молитв, и всегда на одном и том же месте. Евангелие и Молитва Господня не выделяются им из общего состава этого правила — это

все только часть раз навсегда определенного, гармонического целого. Если вы скажете ему, что вам что-либо непонятно — по существу или оттого, что псаломщик слишком быстро читает, — он вам ответит, что и не требуется понимать, а требуется добиваться известной благочестивой атмосферы, из которой иногда долетают отдельные понятные и вам нужные слова.

Духовная жизнь такого человека разработана во всех мелочах. Он знает особую технику искусства приводить себя в определенные духовные состояния. Он может научиться, как надо дышать и в каком положении должно быть тело при молитве, должны ли быть ноги в холоде или тепле. Если разобраться в этом особом явлении, то становится несомненной его сильная зависимость даже не от христианских религий Востока — вы чувствуете тут и своеобразный дервишизм, и отзвуки индуизма, а главное — страстную веру в магию слова, сочетание слов, жеста и ритма жестов. И несомненно, что эта вера в магию имеет под собой какие-то очень реальные корни. На этом пути действительно можно добиться очень многого — огромной внутренней дисциплины, огромной власти над собой, над всем хаосом человеческой души, даже власти над другими, полной устроенности и завершенности своей внешней и внутренней жизни, даже своеобразного подзаконного вдохновения. Единственное, что на этом пути не дается, — это любовь, конечно.

Тут можно говорить на языках человеческих и ангельских, но не иметь любви. Правда, дела любви и благотворения входят в общий ритм уставщической жизни. Уставщик знает, что он должен подать нищему, особенно в пост, он в свое время посылал калачи для заключенных в тюрьмах, он даже может организовать благотворение — строить богадельни и устраивать обеды для нищей братии, но основной мотив для такой деятельности — это то, что она предписана, что она входит в общий ритм его жизни, она является частью некоего уставщического понимания вещей. В этом смысле у него очень развито чувство долга, послушание. И отношение к человеку определяется взятым на себя послушанием, а не непосредственной любовью к нему.

Этот тип благочестия имеет в данный момент скорее тенденцию расти и распространяться. И такое распространение легко объяснимо, если мы учтем всю обездоленность, покинутость, беспризорность и изможденность современной человеческой души. Она не ищет подвига, она боится его непосильной тяжести, она больше не может ни искать, ни разочаровываться. Суровый и разреженный воздух жертвенной любви ей не по силам. Если жизнь обошла ее и не дала ей никакого внешнего благополучия, никакой внешней устойчивости, то она с особой жадностью стремится к благополучию внутреннему, к полной определенности и подзаконности своего внутреннего мира. Она накидывает на хаос прочное покрывало положенного и дозволенного, и хаос перестает ее терзать. Она знает силу магических заклинаний, зачастую выраженных в непонятных словах. Она, как дервиш, знает силу жеста и позы. Она ограждена и спокойна. Эти все особенности уставщического пути определяют его рост в наше время.

Очень вероятно, что перед ним еще долгий период расцвета. Тут надо сказать, что и с другой стороны наша эпоха обещает расцвет уставществу. Мы видим сейчас во всем мире жажду каких-то определенных и конкретных директив — как верить, за что бороться, как себя вести, что говорить, что думать. Мы видим, что мир жаждет сейчас авторитетных вождей, ведущих слепою и преданную массу за собою. Мы знаем самую страшную диктатуру из всех когда-либо существовавших — диктатуру идеи. Непогрешимый центр — партия, например, или вождь — велит думать и действовать так-то, и человек, верующий в непогрешимость директивы, легко, изумительно и непонятно легко, перестраивает свой внутренний мир в соответствии с этой директивой.

См. далее на стр. 3

* Продолжение, начало в № 5-2008

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Евр. 13:7.

IV век

Путь отцов*

ИОАНН ЗЛАТОУСТ (†407)

Монах во главе константинопольской епархии - вся драма Иоанна, прозванного Златоустом или Хризостомом, заключается в этом парадоксе. Не будь он облечен этим завидным и грозным титулом, он остался бы в памяти поколений подвижником, духовником, проникновенным проповедником. Святость не дала ему политической гибкости, напротив, сделала его неуступчивым и мешала уживаться с властями, пользоваться приемами, на которые мастер был Кирилл Александрийский. Но то был египтянин. Цельность и прямота Иоанна вызвали враждебность у многих, интриганы от политики неотступно преследовали его. Он не уступил ни пяди, в служении своем до гроба сохранив непреклонность чистой натуры. В античном мире ему под стать Антигона; в Церкви он стал исповедником.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Иоанн - городской ребенок. Он родился в космополитической Антиохии, третьем городе империи, на берегах Оронта; рос в разношерстной толпе времен великого смешения, достаточно защищенный от разлагающих влияний, но вовсе не сторонясь людей, которых узнал, полюбил и с которыми легко находил общий язык.

Семья была образованная, жила в достатке. Отец Иоанна, высокопоставленный чиновник, умер молодым. Ребенка вырастила мать, замечательная женщина - в двадцать лет она принесла в жертву свою молодость и отказалась от нового брака, посвятила жизнь сыну. Она имела на него большое влияние. Кто-то из риторов, кажется, Ливаний, восхищенно говорил о ней: «Ах какие женщины бывают среди христианок!»

Иоанн не искал мирских утех и не медлил с крещением, он принял его в восемнадцать лет - возраст решающий, как заметил он сам позднее в проповеди к новоокрещенной молодежи. Благая весть была явлена ему совершенно естественно, без потрясений, силою веры, обращенной к Богу. Для него нет борения между Платоном и Иисусом. Образование у него, правда, греческое, но душа христианская. По сути дела, ни один из Отцов Церкви не был столь мало привержен эллинизму.

Получив общее образование, изучив риторику и философию (он был блестящим учеником Ливания), Иоанн остался в городе. Его ждала блестящая карьера, но он отказался от нее и принял постриг, стал послушником. Хотел удалиться в пустыню, но мать, всем для него пожертвовавшая, воспротивилась этому. Все же он оставил Антихию, дабы избежать тревожений городской жизни, и предался аскезе и изучению Писания.

Антиохия в то время славилась богословскими умами. Иоанн учился у Диодора Тарсийского, несравненного наставника той эпохи, искусству библейской экзегезы, чуткому проникновению в смысл буквы Священного Писания. Чуждый аллегорическим толкованиям и богословским пререканиям, в Евангелии он слышал голос и призыв Христа. Особенно близко ему было Евангелие от Матфея. Он восхищался св. Павлом и без конца перечитывал его послания. Очевидно, в них он и обрел ощущение посланничества, которое вывело его из уединения.

Вопреки матери, Иоанн все же удалился в горы и стал вести суровую жизнь среди монахов в постах и бдениях, пагубно отразившихся на его здоровье. Он искал внутреннего покоя, дорожил братским единением. К этому времени относится ряд его аскетических сочинений, подобных трактату «Против недругов монашеской жизни».

Почувствовав себя созревшим для выполнения проповеднической задачи, Иоанн вернулся в Антихию в 380/81 г., где престарелый епископ Мелетий возвел его в сан диакона. Написанный тогда трактат «О священстве» и сегодня пользуется исключительной популярностью. Это безусловный шедевр, отмеченный особым аттическим изяществом стиля. В то время Иоанну было около тридцати четырех лет. Пятью годами позже он был рукоположен в священники и стал проповедовать, замещая не слишком красноречивого епископа. Это время было для него самым счастливым: образ жизни в точности соответствовал его склонностям и дарованиям.

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ И ПРОПОВЕДНИК

Двенадцать лет он проповедовал, не жалея сил и времени, стремясь покончить с языческими нравами, искоренить древние пристрастия к цирку, театру и языческим

*Отрывки из книги А.Аммана «Путь отцов», начало в №1-2006.

На иллюстрации: св. Иоанн Златоуст, мозаика X в. в храме св. Софии Константинопольской.

празднествам. «Достанет и одного человека, - говорил он, - обуянного праведным рвением, чтобы исправить целый народ».

Он взялся за дело круто: обличал всяческие злоупотребления, в том числе распущенность священства и сожительство с девицами, посвященными Богу; вступался за бедняков, вскрывал язвы социальной несправедливости. Много писал, составлял отчеты, отвечал всем, кто обращался за советом. Он сочинил целый трактат в утешение молодой вдове. Страдание и его смысл - тема многих его произведений.

Но главное его занятие - проповеди. Случалось проповедовать изо дня в день, ибо народ хотел слушать его. «Проповедничество целительно для меня. Лишь отверзаю уста, чтобы обратиться к вам, и всякая усталость меня покидает». Случалось ему затрагивать и самые спорные богословские вопросы, но чаще всего он изъяснял Писание применительно к повседневной жизни.

Он толковал как Ветхий, так и Новый Завет. Вслед за Василием изъяснял Книгу Бытия, Исаию и Псалтирь. Охотно проповедовал на евангельские темы, давал пространные толкования на Евангелия от Матфея и от Иоанна. Особенно ценил

св. Павла, чувствуя сродство душ. Его даже прозвали новым Павлом. Он сам рассказывал, что перечитывает послания св. Павла не реже двух раз в неделю, а между тем немало таких, кто «даже не знает, сколько этих посланий». Это замечание, увы, и сегодня многие из нас могут принять на свой счет. Толкование на Послание к Римлянам - один из шедевров Златоуста.

До нас дошел цикл его огласительных проповедей, обнаруженных в 1955 г. П. Венгером на горе Афон. Известны также проповеди на церковные праздники. Большая их часть принадлежит антиохийскому периоду его жизни.

Язык у него чистый, живой, образный. Зачины обычно весьма пространны; отступления, приводевшие в восторг антиохийцев, нынешнего читателя порой утомляют. Иные его проповеди длились по два часа.

Иоанн Златоуст - прирожденный оратор. Он умеет нарисовать живую картину, не чужд сарказма, язвительного каламбура (что ему не раз дорого обходилось), любит перемежать разъяснения прямыми и прочувствованными обращениями. Проповедам его свойствен особый нравственный пафос; тонкий психолог, он проникает в тайны душевной жизни, зримо рисует характеры и бичует пороки с беспощадным реализмом: вот человек в припадке ярости топчет ногами; вот похмельный гуляка, зевающий во весь рот, а вот кокетка, охорашивающаяся в церкви. Слушатели восхищались точностью его характеристик и прямотой обличения. Другой проповедник мог бы столь явной иронией оттолкнуть верующих, но антиохийцы знали, что Иоанн явится ради их исправления и преобразования.

Он был снедаем ревностью о ближних, все у него шло от сердца, и простые люди прекрасно чувствовали его любовь. Много раз ему приходилось защищать бедных и страждущих, умирающих от голода и жажды, но никогда он не заигрывал с теми, кто погряз в роскоши, бесстыдно выставленной пред взоры бедноты. Непрестанно возвращаясь к социальным проблемам, он проповедовал пример Иова, толковал Нагорную проповедь, говорил об апостольском сообществе.

Иоанна Златоуста мучило общественное неустройство, ему претило богатство и корыстолюбие. Напоминающая о человеческом достоинстве бедняка и о пределах собственности, он находит убийственные слова: «Мулы у тебя стоят накормлены, а Христос умирает с голода у порога твоего». Он описывает Христа в облике бедняка и говорит его устами: «Я мог бы прокормиться и сам, но лучше мне бродить под видом нищего и протягивать руку за подаванием, дабы ты напитал меня. И делаю я так из любви к тебе». Он ненавидит рабство и сопутствующее ему человеческое отчуждение. «Ужасно то, что хочу вам сказать, но должно сказать и это. Сравняйте Бога с рабами своими. Охраните Христа от голода, от нужды, от узилищ, от наготы. А! Вы трепещете...»

Иоанн был соучастником народной жизни, он знал ее радости и горести. Достаточно вспомнить знаменитый цикл «Назиданий о статуях». Это вершина его ораторского искусства. Когда народ, несомненно, подстрекаемый уголовным отребьем, низверг статуи императорской семьи, протестуя против непосильных налогов, Иоанн обратился к нему с увещанием, отнюдь не одобряя подобных действий. И все же поддержка его и сочувствие всегда принадлежали народу.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХ

Слава Иоанна разнеслась далеко за пределы Антиохии и достигла новой имперской столицы. Она естественным образом послужила причиной его возвышения и его несчастья. Красноречия и святости оказалось недостаточно, чтобы преуспеть в Константинополе.

В 397 г. скончался наследовавший Григорию Богослову столичный патриарх, чванный и недалекий Нектарий. Всемогущий Евтропий, советник ничтожного Аркадия, решил, что Нектарию наследует Иоанн. Он заманил антиохийского проповедника в Константинополь и всеми правдами-неправдами добился от него согласия. Историк Созомен утверждает, что Златоуста застали врасплох.

Неожиданно для всех популярный антиохийский проповедник занял самый видный пост в империи, встал во главе первого патриархата Востока, сделался придворным и императорским ритормом. Может статься, там и надеялись обрести ритора, но получили монаха и пастыря. Началось главное испытание Иоанна, коему должно было завершиться одиночеством и изгнанием.

Иоанн совершенно не годился на этот пост. Он не был дипломатом, не был светским человеком. Недруги считали его властолюбивым и высокомерным. Он и

сам признавался в трактате «О священстве», что подвержен тщеславию, доступен зависти, подвластен гневу. Он явно был не на месте. Его яростная кротость под влиянием обстоятельств перерастала в ожесточение, а сталкиваясь с сопротивлением, оборачивалась неистовством. Реформатор по складу своего характера, этот суровый человек умел «действовать силою», если дело было о чем требовало. Может быть, как раз непомерная ответственность и делала его жестоким и неуступчивым.

Он начал реформы по собственному почину. Прежде всего избавил патриарший дом от малейших следов роскоши, столь любезной сердцу его предшественника. Он ел один и вел, по выражению Паллады, «жизнь циклопа». Никаких торжественных приемов. Он беседовал со священниками и монахами о делах, учреждал больницы и странноприимные дома; принялся за евангелизацию деревень и постарался вернуть в лоно православия готов, великое множество которых обитало в пределах его епархии. С сугубым усердием при поддержке светских властей он вел борьбу против еретических сект, новациан и ариан. Заботливый к людям, он становился непреклонен и даже беспощаден, когда сталкивался с ересью. Весьма огорчительна для нас его нетерпимость к евреям. Иоанн был закоренелым антисемитом, он часто бранил евреев в своих проповедях, яростно и порою совершенно несправедливо.

В Константинополе, как и в Антиохии, он продолжал проповедовать, иногда по два раза в неделю, применяясь к новым слушателям. В речах его уже нет былой непринужденности, они стали более взвешенными. Наталкиваясь на сопротивление, он проявляет решительность и упорство. Он выступает против публичных увеселений, против утопающих в роскоши правителей и тем раздражает влиятельные круги. Его неукротимый морализм отпугивает епископов и ученый люд - все строят козни против неугомонного монаха. Исход его начинаний - как и успех многих заговоров против него - зависит в конечном счете от настроения императорского двора. Император не значит ничего; его жена Евдокия всевластна.

Началось с того, что патриарх воспротивился могущественному Евтропию, - тот хотел лишит храмы права убежища, унаследованного от языческих святилищ. Впав в немилость, Евтропий сам укрылся под защиту церковного установления, которое отменил. По этому поводу Златоуст произнес свою великолепную речь. Константинополю довелось внимать пылкому красноречию новоявленного Демосфена. Он поведал о тщете всякого возвеличения человеческого, «суете сует и всяческой суете» в проповеди, которая остается вершиной красноречия: «Таково было ночное оболыщение, и оно исчезло при свете дня. Таковы же и весенние цветы: весна отходит, и они вянут».

Реформатору всерьез воспротивились придворные дамы, имевшие влияние на императрицу. Им ничего не стоило найти сообщников в Константинополе и Египте.

В 402 г. патриарху Александрийскому надлежало отчитываться в Константинополе: Феофил ловко извратил положение и из обвиняемого превратился в обвинителя. Он созвал «промежуточный собор», и тот сместил Иоанна Златоуста. Император по слабости подписал бумагу, и патриарха отправили в изгнание. Впрочем, это испытание оказалось коротким. Случилось землетрясение, затем выкидыш у императрицы - несчастья заставили ее пересмотреть решение. Что лишний раз доказывает, как ненадежно было положение имперской церкви.

Замирение, опять-таки, продлилось недолго. Языческие торжества по случаю воздвижения императорской статуи вызвали ожесточенное негодование уставлого и измученного патриарха. Евдокия, наконец, решилась избавиться от неговорчивого проповедника. Патриарха арестовали в его же соборе во время пасхального празднества. Произнеся прощальное слово, Иоанн покинул свою церковь и уже не вернулся в нее никогда.

Новое изгнание было тяжким, Иоанна сослали в местечко Кукуз на границе с Арменией. Здешний климат для него оказался неподходящим. К этому времени относится большинство его писем: до нас их дошло 236. Человек глубоко истрадавший, он до последних дней предпочитал утешать, а не быть утешаемым. Испытания побуждали его сострадать другим. Он написал семнадцать писем Олимпию, своим длинных и прочувствованных, впервые Иоанн давал прямые наставления. Наконец он умер, так и не увидев Черного моря. Последнее, что он сказал: «Благодарение Богу за все». Это было 14 сентября 407 г.

ОБЛИК

Современники оставили нам описание Иоанна Златоуста: невысокого роста, изможден, лыс, лоб в глубоких морщинах. Невзгоды явно расшатали его здоровье, даже голос выдавал физическую слабость.

Однако слово было его жизнью, стоило ему заговорить - и самочувствие улучшалось. Он не был равнодушен к одобрению слушателей. Разумеется, говорил он не для того, чтобы им восхищались, - а этого искушения не избежали многие, - но ради наставления, увещания: искореняя языческие нравы и насаждая евангельскую мораль, он чувствовал себя реформатором, посланником.

Продолжение, начало на стр. 1

Мы знаем наличие государственно-обязательных философий и мирозозерцаний. Если мы допустим, что где-либо Церковь станет если и не покровительствуемой, то по крайней мере терпимой и в нее придут новые кадры людей, воспитанных на обязательных директивах, то уставничество сразу научит их, какому пути надо следовать, где меньше сомнений, где директивы наиболее точные, наиболее регламентирующие всю человеческую жизнь, где, наконец, весь хаос человеческой души укрощен и загнан в определенные клетки. Тут успех уставничества совершенно предопределен. Но наряду с этим нельзя говорить, конечно, о его творческих возможностях.

Сам принцип бесконечного повторения правил, слов, жестов исключает всякое творческое напряжение. С древнейших времен уставничество противоположно пророчеству и созиданию. Его дело хранить и повторять, а не ломать и строить. Если оно действительно победит, то это значит на много десятилетий замирание творческого духа и свободы в Церкви.

Но главный вопрос, который хочется поставить уставничеству, это о том, как оно отвечает на обе заповеди Христовы — о любви к Богу и о любви к людям. Есть ли в нем место для них? Где в нем человек, к которому снизошел

Оригинальным богословом он, может статься, и не был, зато пастырем был несравненным. В нем нет ни лиризма Григория Богослова, ни талантов властителя и организатора Василия Великого, но пронизательностью психологического анализа, прочувствованным красноречием он, пожалуй, превосходит других отцов. В самые мрачные времена в Антиохии, а затем и в Константинополе раздался голос, подобного которому не слышали со времен Цицерона и Демосфена.

Его проповеди имели для восточного богослужения такое же значение, как проповеди Августина для Запада. Его читали, переписывали, переводили, подделывали. В отличие от многих речей Отцов Церкви, его нравственные и общественные наставления нисколько не устарели, кажется, что они написаны сегодня. К чести Церкви, в лоне ее было немало тех, кто, подобно Иоанну Златоусту, не пытался заигрывать с властителями и богачами и взял сторону бедноты. Вся вера этого человека явлена в его слове. И слово это живет и поныне.

Проповедь развивает библейскую тему крови, от крови пасхального агнца до истекшей из пронзенной груди Христа. Эта разверстая рана породила Церковь и Причастие.

ПРОПОВЕДЬ К НОВООБРАЩЕННЫМ

Хочешь ли изведать всемогущество крови Иисуса Христа? Так вернемся к ее провозвестию, к древним событиям, случившимся в Египте, о которых поведано в Писании. Тогда Бог восхотел навести на египтян десятую казнь и в полночь поразить всех первенцев их, ибо силою удерживали Его первенца, народ избранный.

И дабы не поразить народ Израиля вместе с египтянами (ведь жили они бок-о-бок), был ему дарован особый знак, его же прими как свидетельство о всевластии разумемой истины. Ибо уже возгорелся гнев Божий и наготове был Ангел Истребитель, призванный войти и каждое жилище. Тогда-то и сказано было Моисею: «Заколите агнца однолетнего без порока и кровью его помажьте дверные косяки». Как? Неужели кровь агнца может спасти людей, наделенных разумом? Разумей так, что не простая это была кровь, по знаку крови Господней. По древнему установлению, бездушное и безжизненное изваяние императора охраняет всякого живого человека, кто прибегает к нему, - не оттого, что оно литое, а потому, что представляет императора. Так же и кровь агнца бездушная и безжизненная могла спасти души человеческие - не оттого, что от крови взята, но потому что предвещает кровь Христову. И Ангел Истребитель, узрев кровь агнца па дверях, проходил мимо и не дерзал войти, равно как и Враг тем паче удаляется мае, почуяв уже не кровь агнца на дверных косяках, по подлинную кровь Христа на губах верующих, на вратах живых храмин Божиих. Если и Ангел самого знака страшился, как же бежит демон, постигнутый явью!

Если же хочешь еще глубже изведать всемогущество крови Христовой. подумай об исхождении своем. Ибо оно из ребер Господа распятого. Писание повествует, что когда Иисус на кресте испустил дух, один из воинов подошел и копьем пронзил Ему ребра. «И тотчас истекла вода и кровь» (от Иоанна, 19, 34). Вода означает крещение, кровь же - знак причастия. Потому и написано: истекла кровь и вода, но сначала вода, затем кровь. Сначала мы омыты водою крещения, затем сопричастны таинству евхаристии.

Копье воина пронзило ребра и проломило стену храма святого. И вот я вижу, и ты зри, откровение милосердия. Не так ли было и с пасхальным агнцем? Сыны Израилевы закололи агнца, нам же явлен смысл жертвы: истекла из ребер кровь и вода.

Не проходите как ни в чем не бывало мимо этого многозначительного рассказа и размыслите еще об одном скрытом откровении. Я сказал вам, что вода и кровь означают крещение и причастие. Оба эти таинства - крещение в новую жизнь и евхаристия - имеют начало от пронзенных ребер Христовых, и они суть основания Церкви.

Из разверстой груди Христа родилась Церковь, подобно как Ева родилась из ребра Адамова. Посему и писано у Павла: «Мы от плоти Его и от костей Его» (Еф 5, 30), в помышлении о пронзенных ребрах. Бог взял ребро у Адама, дабы создать женщину, подобно же и Христос даровал нам воды и крови из груди своей, дабы воздвигнуть Церковь. И как Бог взял ребро из груди Адамовой, когда тот спал, истомленный восторгом, подобно же и Иисус даровал нам кровь и воду, уснувши смертельным сном. Там был сон Адамов, здесь сон смертный.

Уверьтесь же, сколь Христос един со Своею невестою. Испытайте пищу, каковой Он нас насытил. Ибо в Нем наше насыщение и наше пиршество. Как женщина питает дитя своим материнским молоком, кровию своей преобразованной, так и Христос собственною кровию питает тех, кто отложил прежний образ жизни ради нового рождения.

Христос? Если предположить, что в нем зачастую выражается своеобразная любовь к Богу, то все же трудно увидеть, каким путем идет оно к любви к людям. Христос, отворачивающийся от книжников и фарисеев, Христос, идущий к грешникам, блудницам и мытарям, вряд ли является Учителем тех, кто боится запачкать чистоту своих риз, кто целиком предан букве, кто блюдет только устав, кто размеряет всю свою жизнь по уставу. Они чувствуют себя духовно здоровыми, потому что исполняют все предписания духовной гигиены, а Христос сказал нам, что не здоровье нуждаются во враче, но больные. В самом деле, сейчас имеются у нас две цитадели такого православия, православия традиционного, уставного, святоотеческого и отеческого: Афон и Валаам. Мир отрешенных от нашей суеты и грехов, мир верных слуг Христовых, мир Боговеденья и созерцания. Чем этот мир святости болеет сейчас? Как он смотрит на раздирающие нас современные беды — на новые учения, на ереси, может быть, на нужду, на гибель, на гонение Церкви, на мучеников в России, на поприще веры во всем мире, на оскудение любви? Что всего больше тревожит эти острова избранных, эти вершины православного духа? Перед ними как самое главное, самое насущное, самое злободневное стоит вопрос о новом и старом стиле в богослужении. Это то, что раскалывает их на партии,

то, за что они проклинают инакомыслящих, то, что определяет меру вещей. Трудно говорить применительно к этому вопросу о любви — она как-то вне нового и вне старого стиля. Но можно, конечно, сказать, что Сын Человеческий был Господином субботы и нарушал эту субботу именно во имя любви. А там, где ее нарушить не могут, — там не могут этого сделать, потому что нету этого «во имя», нету любви. Уставничество являет себя тут как рабство субботе, а не как путь Сына Человеческого. И поистине есть что-то угрожающее и зловещее в том, что именно на Афоне и на Валааме, в вековых центрах православной подлинной духовности, человек может найти ответ только на один вопрос из всех поставленных жизнью — по старому или по новому стилю должна жить Церковь. Вместо Бога живого, вместо Христа распятого и воскресшего не имеем ли мы тут дела с новым идолом, который в новом язычестве являет себя спорами о стилях, уставах, правилами, запретами, торжествующей над Сыном Человеческим субботой? Страшно идолопоклонство в миру, когда оно предаст Христа во имя государства, нации, социальной идеи, маленького буржуазного комфорта и благополучия. Еще страшнее идолопоклонство в Церкви, когда оно подменяет любовь Христову блюдением субботы.

Продолжение следует.

ФИДЕЛЬ И РАУЛЬ КАСТРО НАГРАЖДЕНЫ ОРДЕНАМИ РПЦ

Кубинскому лидеру Фиделю Кастро и его брату, председателю Госсовета республики Раулю Кастро 20 октября вручены ордена Русской православной церкви, сообщает РИА «Новости».

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Кирилл на встрече церковной делегации с руководством страны в рамках Дней России в Латинской Америке вручил Раулю Кастро награды и диплом, подписанный патриархом Алексием Вторым.

Рауль Кастро награжден орденом Святого Благоверного князя Даниила Московского первой степени «во внимание к помощи в строительстве Казанского храма в городе Гаване».

Фидель Кастро получил более высокий по достоинству орден «Слава и честь» «во внимание к вкладу в укрепление межрелигиозного сотрудничества и в связи с освящением храма Казанской иконы Божией Матери в городе Гаване».

В свою очередь Фидель Кастро отметил, что митр. Кирилл «не враг социализма». «Он не осуждает гореть на вечном огне тех, кто, как мы, исходит из марксизма-ленинизма, чтобы бороться за справедливый мир», — пишет команданте в своей статье, которую он опубликовал в газете «Гранма»

Напомним, что 19 октября митрополит Кирилл освятил храм в честь Казанской иконы Божией Матери в Гаване. Договоренность о постройке была достигнута в ноябре 2004 года после встречи митрополита с Фиделем Кастро. Основную часть расходов на постройку храма взяло на себя кубинское правительство.

Источники - lenta.ru и vremya.ru

На снимке Рауль Кастро и митрополит Кирилл.

В качестве комментария к этому событию ниже приведен текст Никиты Кривошеина.

АННА НА ШЕЕ, ИЛИ УТЕШЕНИЕ КУРОЕДОВУ? Никита Кривошеин

Нет, речь не о золотой цепи с медальоном Святой Анны, которой награждались радивые сановники, а о церковной награде «Орден Славы и чести». Только что состоявшаяся в Гаване передача этого знака отличия из рук Преосвященного митрополита Кирилла, «министра иностранных дел РПЦ», в четыре руки по локоть в крови братьев Кастро, - как загробное утешение покойному В.А. Куроедову, председателю Совета по делам религий при Совете министров бывшего СССР, гонителю веры Христовой от ЦК и ЧК. Это, конечно, и загробный подарок не менее покойному Г.Г. Карпову, назначенному т. Сталиным в 1944 г. «шефствовать» над Русской Православной Церковью, вынужденно возрожденной тираном: без допущения веры и, простите, «отправления религиозных культов», одним светлым будущим и «За Сталина...» стране было бы трудно справиться с Вермахтом. Дабы соблюсти в церковной свободе меру, и был учрежден Совет по делам РПЦ, превратившийся потом в Совет по делам религий. Номенклатурщики, ведавшие этим органом, отличались прямо микояновской устойчивостью: Карпов и сменивший его Куроедов руководили советом на протяжении всех десятилетий от войны до конца коммунистического режима. С их благословения на кафедры ставились и перемещались епископы, без их согласия и хиротонии были невозможны, без них и батюшек не регистрировали на приходы, через их фильтры абитуриенты просачивались в семинарии и духовные академии, они, сообразуясь с меняющейся силой богоборческих гонений, снижали или наращивали «свечной налог», размер насильственных контрибуций в «Фонд мира», снисходительно внимали просьбам «двадцаток» о закрытии приходов за ненадобностью...

С ними, и это главное, согласовывалась тактика церковной «борьбы за мир», с ними редактировались выступления наших несчастных иерархов в женевском Всемирном совете Церквей. Им иподиаконы из ОВЦС носили на согласование черновики Патриарших посланий к Рождеству Христову и Светлой Пасхе: насчет ядерного разоружения, замирения на Ближнем Востоке, признания т.н. ГДР и т.д. Большинство священников через «не могу» провозглашали все эти богопротивные словеса с амвона. Макарецов, помощник Куроедова, был главным куратором церковной борьбы «за мир во всем мире».

С исчезновением КПСС канула в Лету и эта безбожная контора!

Промысел распорядился так, что атеисты более страной не правят, а Церковь, пройдя по пути страшного мученичества и унижений, живёт, крепнет, просвещает и помогает спасению.

Господь им Судья. Позволю себе, однако, предположить, что души товарищей Карпова и Куроедова в ожидании Страшного суда пребывают ныне не в кущах небесных и слушают вовсе не ангельское пение.

Заслужили ли они в своём загробии приятного подарка, сделанного митрополитом Кириллом братьям Кастро? Орден «Славы и чести» за то, что они не препятствовали (уж такова конъюнктура) строительству и освящению храма иконы Казанской Божией Матери в Гаване, столице острова Свободы, городе, выглядящем подобно Ливерпулю после германской бомбёжки или Грозному начала девяностых. Городе, где царствуют сертификатные магазины, талоны на мыло, долларовая подведомственная казённая проституция, а вокруг колхозы и средневековая нищета! При режиме, усердно продолжающем сажать и запрещающем говорить, издавать, читать и ездить!

Это братья Кастро должны возблагодарить Русскую церковь за обустройство в центре города местечка, где на склоне лет им еще не поздно проявить покаяние и смиренно вымаливать прощение за череду преступлений не слабее, чем у Энвера Ходжи, дяди Хо и Ким Чен Ира...

В конце семидесятых я несколько раз встречался с кубинским поэтом Арманом Валадаресом, он был тогда только что выкуплен американцами из кубинского ГУЛАГа. Скорее агностик, он продолжал веровать в идеалы «социализма с человеческим лицом». Рассказы его о кастрических лагерях были ужасны: пытки тропической жарой не менее успешны, чем заполярными морозами. Валадарес много и страдальчески вспоминал о сидевших с ним в большом количестве католических батюшках.

А Фиделю с Раулем за это церковные награды!?

Омрачена великая моя радость последних двух десятилетий: Церковь, нашедшая в освободившейся России умные пути «сотрудничества» с новым государством, причудливыми двумя шагами вернулась назад к ставшему ненужным коллаборационизму. Убежден, что у министра Лаврова есть заботы поважнее, чем тешить стариков диктаторов. Подозреваю, что даже не было звонка из известной администрации с просьбой прихватить с собой ордена при вылете в Латинскую Америку.

Может быть, сказался атавизм, который скоро совсем перестанет проявляться, может быть, это удобство привычного и накатанного? Но у дипломатии, тем более Церковной, должны быть пределы приличия.

Всё это излагать мне очень неприятно, благодаря окормлению Русской церкви вера во мне не совсем угасла за двадцать пять непростых лет, проведённых в бывшем СССР.

Решусь уж совсем нескромно сослаться на пример своего покойного дяди, архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина) (Московский патриархат). Неизменно верный Русской церкви, он неизменно открыто говорил и писал, что думал: и о том, как протоиерей Ружицкий одобрил высылку Солженицына, и о том, как один из тогдашних видных иерархов заявил по Би-Би-Си, что в Советском Союзе нет нужды ни в

катехизации детей, ни в церковной благотворительности... и о многом другом подобном. Орденов владыка Василий не снискал. Но память его почитаема. Награда ему то, что сбылось его предсказание, когда-то высказанное мне: «Ты будешь свидетелем переосвящения Кремлёвских соборов и служб там». Это было в 1965 году, в чёрной «Волге» ОВЦС с немо молчащим водителем мы ехали в светлую погоду по Софийской набережной, вид на Кремль был очень красив.

Источник: Ежедневный журнал

Сергей Аверинцев

МОЛИТВА
НА КРЕМЛЕВСКОМ ХОЛМЕ

*Вы приняли скинию Молоха
и звезду бога вашего Ремфана.
Амос 5, 26; Деяния 7, 43*

Злая звезда Ремфана,
поставлена на месте святе,
бездны пристальное око,
рдеющий уголь гееннский,
зазубрины, что сердце ранят,
скверна в очах Господних,
зрак начальной гордыни,
точное Денницы подобье!

Знаю твои загадки,
твою немощную дерзость,

ни рабски, ни с пристрастием гнева,
мои очи на тебя не взглянут;

есть сила на твою силу,
на твои заклятия клятва,

превыше твоей гордыни,
глубже твоей преисподней.

Противу зубцов изостренных —
пять ран распятого Тела,

и токи Крови Христовой
растопят твое обличье,

и сердечной молитвы слезы
рдение твое угасят,

и прейдешь ты, как сон и морок,
и места твоего не сыщут.

12. 12. 1989